

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 163 (2856

15

июля 1934 г.

ЦЕНА 10 коп.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального и Московского комитетов ВЛКСМ

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

Крупнейшим писателем, сложившимся в 80-е годы, был А. П. Чехов. Чехов начал с веселых, юмористических рассказов, написанных разными псевдонимами, из которых наиболее часто — Антоша Чехонте. В ранних рассказах Чехова нет места углубленному изображению психологии действующих лиц: комизм рассказов носит по преимуществу внешний характер.

Однако к середине 80-х годов в веселый смех Антоши Чехонте все чаще и чаще врываются ноты тоски и грусти. Смешная ситуация начинает превращаться в жизненную драму. С особой болью, с особой настойчивостью Чехов начинает изображать разочарованного, напоровавшего интеллигента.

«Чехов изображает людей, бедствующих не от материального изурядения, а от нравственного», — говорил Успенский. Что это «нравственное изурядение» было свойственно в какой-то мере и самому Чехову, свидетельствуют его слова в письме к Сувородину: «У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть паром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим».

Чем же объяснить разочарованные, тоскливые интеллигентные тоскачущую безрадостность своего положения? «Среда заражена» — тоскливо жаловался Иванов. Об этой засасывающей мешанско-бытательской среде говорит и герой повести «Моя жизнь»: «Во все времена из одного честного человека Дума — проклятые гнезда, в которых живут со света матерей, дочерей, мучают детей. Нужно огулять себя войтой, картами, сплетнями, ভালো полчать, ханжить... чтобы не замечать всего ужаса, который прячется в этих домах».

Чехова мучит такой итог, но он отвергает всякие радикальные попытки выхода из беспробудного тупика общественной

жизни и вместе с большинством мелкобуржуазной интеллигенции возмущается насилием не на революцию, а на культурное развитие, на мелочное и постепенное внедрение в Россию божвизантизм-европейской культуры. Упование на «культуру», «прогресс» наблюдается у Чехова преимущественно в 90-ые годы.

В пелом ряде произведений, желая найти примирение с жизнью, Чехов обращается к висялой мечте о прекрасном будущем, которое обязательно настанет. Вершинный герой «Трех сестер», говорит: «Через извест, триста, наконец, тысячу лет — дело не в сроке — настанет новая, счастливая жизнь». В уста Вершинина Чехов вкладывает свои собственные упования и надежды.

Каким же путем, по Чехову, следует добиваться столь несенного и прекрасного будущего? Все герои, упованиящие на счастье через «триста-четыреста» лет, дают весьма определенный ответ: для этого надо дело делать, маленькое, незаметное, божничное, однако постепенно толкающее человечество к более высокой степени культуры.

По существу Чехов длинным коромо видел, к чему вела знаменитая проповедь «малых дел», и в его рассказах — нет ни из и появлялся нотки прямого осуждения всякого рода либерально-реформистских полноволнений окружающего гнилья. Так, в рассказе «Моя жизнь» один из героев, занимаясь культурничеством в деревне, заявляет: «Тут нужны другие свободные борьбы, сильные, смелые, скорые».

Чехов начинал все яснее и яснее видеть, на каком глубоко социальном противоречии построена деятельность всякого рода «культуртрегеров», насколько не оптимистичны их идеалы в условиях царской России. Однако полные революционные пути борьбы за светлое будущее ему чуж-

ды и не понятны. Отсюда мучительное противоречие, вызывавшее и в самом авторе в его героях чувство глубокой неудовлетворенности, тоски и грусти.

Это противоречие в мировоззрении Чехова особенно ярко сказалось в пьесе «Дядя Ваня».

В пьесах Чехова почти нет никакой фабулы, почти нет событий, почти нет действия: отдельные эпизоды в спешке развертываются крайне статично. Но существуют в этих эпизодах в сценах больше всего грустно-тоскливых размышлений героев о своей беспощадной жизни.

Чеховский театр не случайно называют театром настроений. Чехов выработывает целую систему своеобразных приемов воздействия на читателя или на театрального зрителя, чтобы вызвать его настроение, своих тоскливых героев, вызвать сочувствие к ним.

К концу 90-х годов усиливается рабочее движение, организуется рабочая партия, расширяется пропаганда марксизма. Чехов продолжает оставаться либералом, но переволюционные годы находят свое отражение в творчестве Чехова. Если раньше Чехов преимущественно останавливался на изображении частных явлений жизни, хотя бы и типичных, то теперь его внимание привлекают главные общественные вопросы, связанные с судьбами классов. Писатель пытается осмыслить основные социальные сдвиги, происходящие в крестьянстве, интеллигенции и божвизантизме. Эпохой расколом занимает Чехова и делает его приговором над теми или иными социальными явлениями гораздо более острым и категорическим, чем это было раньше.

Уже в повести «Мужики» (1897 г.) Чехов рисует яркую и правдивую картину жизни крестьянства. Вся шельма народнической идеализации крестьянства слезает под пером писателя. Вот почему «Мужики» произвели такой переполох в печати того времени.

Если в повести «Мужики» Чехов только намекает на ту социальную силу, которая несет разорение крестьянству, то далее, под влиянием все более и более разрывавшихся капиталистических отношений, он рисует картину классового расхождения деревни ярче, выпуклей, и гораздо большей социальной оторванности («В овраге» и «Тот год», рассказы «Случай из практики», пьеса «Вишневый сад»), и все же в поисках социальной опоры Чехов останавливается на божвизантизме, на той ее части, которая готова принять вместе с экономическим господством культурное наследие цивилизованного интеллигентства.

В этом отношении чрезвычайно показательны «Вишневый сад» (1903 г.). В образе божвизантизма Лапихина дан новый толчок жизни — «честный» предприниматель. Чехов видит в Лапихине прогрессивную силу. Однако основные симптомы Чехова на стороне «бездельного барина», «светного студента», разночинца Трофимова.

«Вишневый сад» — последняя пьеса Чехова. Она вся пронизана проникновенной грустью, жалостью, тоской. Вся сила волевого зова здесь говорит о непрочности совместного, о грусти бесчисленных потерь и человеческого одиночества.

Стремление к жизненной правде, к полному реализму, мастерская скрупулезность языка и композиция позволили Чехову выразить ярчайшую картину бесперспективности, полнейшей эзотичности, бесперспективности и ужаса старой, переволюционной России. Существование загнивающей «реформы», «прогресса», «культурничества», «пресекательный путь» развития. Чехов объективно показал всю неосостоятельность либерально-реформистских чаяний, всю нелепость, невозможность любить «светлого будущего» переволюционным путем.

В этом огромном общественно-политическом значении творчества большого русского художника переволюционной эпохи.

Б. БРАЙНИНА.